

Можно было бы указать, наконец, на тысячи других примеров из жизни американских пионеров, швейцарских, немецких и русских деревень, русских артелей каменщиков, плотников, перевозчиков, рыболовов, которые прямо делят между собою получаемые продукты или вознаграждение, не прибегая к посредничеству подрядчиков. Можно было бы указать еще и на общую охоту кочевых племен, и на бесчисленное множество других, вполне успешных общинных предприятий; повсюду мы увидали бы одно и то же: бесспорное превосходство общинного труда над трудом наемным или над трудом единичного собственника.

Лучшим побуждением к труду всегда было благосостояние, т. е. удовлетворение физических, нравственных и художественных потребностей человека, и уверенность в возможности этого удовлетворения. И в то время как наемник едва производит то, что ему существенно необходимо произвести, свободный рабочий, если он видит, что по мере его усилий возможность благосостояния и роскоши растет и для него самого и для других, - он прилагает гораздо больше ума и энергии и получает прекрасные продукты в несравненно большем изобилии. Один чувствует себя навеки прикованным к нужде; другой же может рассчитывать в будущем на досуг и на все связанные с ним удовольствия.

В этом лежит весь секрет. И вот почему общество, которое поставит себе целью общее благосостояние и возможность для всех пользоваться жизнью во всех ее проявлениях, получит с помощью добровольного труда несравненно лучшие и гораздо более обильные продукты, чем все те, которые получались до сих пор в производстве, основанном на рабстве, барщине и наемном труде.

II

В настоящее время всякий, кто только может взвалить на другого необходимый для жизни труд, спешит это сделать; поэтому многие господа думают, что так будет продолжаться вечно. Самый необходимый труд есть главным образом труд ручной. Кто бы мы ни были - художники ли, ученые ли, - никто из нас не может обойтись без предметов, добытых этим трудом: хлеба, одежды, дорог, пароходов, освещения, тепла и т. д. Мало того: какой бы высокохудожественный или утонченно метафизический характер ни носили наши наслаждения, все они без исключения основаны на ручном труде. И вот от этого-то труда, лежащего в основе всей жизни, и старается всякий избавиться.

Это вполне понятно, и в наше время так и быть должно. Заниматься физическим трудом значит теперь быть запертым в течение десяти или двенадцати часов в день в нездоровой мастерской и быть прикованным к одной и той же работе десять, тридцать лет, всю жизнь. Это значит осудить себя на ничтожный заработок, на неуверенность в завтрашнем дне, на безработицу, очень часто - на нужду, еще чаще - на смерть в больнице; и все это после того, как человек в течение сорока или более лет работал для прокормления, одевания, развлечения и обучения не себя самого или своих детей, а других. Это значит нести на себе всю жизнь в глазах людей печать более низкого уровня и самому сознавать, что стоишь ниже других, потому что, что бы ни говорили господа, восхваляющие в застольных своих речах «мозолистую руку» рабочего, занимающегося ручным трудом, они всегда ставят его ниже ученого, писателя, художника - хоть плохоньких. И действительно, человек, проработавший десять часов в мастерской, не имеет ни времени, ни возможности доставлять себе высшие научные и художественные наслаждения; мало того, он не может и подготовиться к тому, чтобы ценить